

Беспокойные

Автор:

[Лиза Ко](#)

Беспокойные

Лиза Ко

МИФ Проза

Однажды утром мать Деминя Гуо, нелегальная китайская иммигрантка, идет на работу в маникюрный салон и не возвращается. Деминь потерян и зол, и не понимает, как мама могла бросить его. Даже спустя много лет, когда он вырастет и станет Дэниэлом Уилкинсоном, он не сможет перестать думать о матери. И продолжит задаваться вопросом, кто он на самом деле и как ему жить.

Роман о взрослении, зове крови, блуждании по миру, где каждый предоставлен сам себе, о дружбе, доверии и потребности быть любимым. Лиза Ко рассуждает о вечных беглецах, которые переходят с места на место в поисках дома, где захочется остаться.

Рассказанная с двух точек зрения – сына и матери – история неидеального детства, которое играет определяющую роль в судьбе человека.

Роман – финалист Национальной книжной премии, победитель PEN/Bellwether Prize и обладатель премии Барбары Кингсолвер.

На русском языке публикуется впервые.

Лиза Ко. Беспокойные. Роман

Для Син Яо Тай

Как море, хорошо знаком с сиротством.

Шумный от полученных телеграмм,

Неуживчивый со своими прозвищами,

Изощренный в странствиях не туда,

Благодаря изгнаниям я полюбил тебя.

Ли-Янг Ли, «Город, где я любил тебя»

Информация от издательства

Lisa Ko

THE LEAVERS

Copyright © 2017 by Lisa Ko

Li-Young Lee, excerpt from “The City in Which I Love You” from The City in

Which I Love You. Copyright © 1990 by Li-Young Lee

Reprinted with the permission of The Permissions Company, Inc., on behalf of BOA Editions, Ltd., www.boaeditions.org (<http://www.boaeditions.org/>)

Published by arrangement with Algonquin Books of Chapel Hill, a division of Workman Publishing Company, Inc., New York

Russian language edition copyright © 2020 by Mann, Ivanov and Ferber

All rights reserved

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Перевод на русский язык, издание на русском языке ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2020

* * *

I. Другой мальчик, другая планета

1

За день до того, как Деминь Гуо в последний раз увидел мать, она застала его врасплох у школы. Темно-синяя шапка низко сползла на лоб, на ее шее был шарф, похожий на большую коричневую змею.

– Чего ждешь, малыш? Здесь холодно.

Он стоял в дверях общественной школы № 33, пока она дергала молнию на его куртке, а потом так резко потянула, что прищемила подбородок.

– Ты ушла с работы пораньше?

Было полпятого, уже темно, но обычно она не заканчивала в маникюрном салоне до шести.

Говорили они, как всегда, на фучжоуском диалекте.

– Короткая смена. Майкл сказал, ты задержался после уроков, чтобы тебе помогли с домашней работой.

Ее глаза за очками прищурились, и он не понял, купилась она или нет. Когда учителя оставляли после уроков, они не звонили маме, а только давали бланк ей на подпись, и Деминь ее подделывал. Майкл, которого никогда не оставляли после уроков, уже ушел. Деминю хотелось с ним – домой, к телевизору, где в уюте закадрового смеха можно не волноваться, что он кого-то подводит.

Снег шлепался комками мокрого белья. Деминь с матерью шел по Джером-авеню. В конце забетонированного двора три парня постарше пускали по кругу косяк. В расстегнутых куртках, без рюкзаков и шапок парни грелись в разреженном февральском воздухе сладким дымом и вялым смехом.

– Я не хочу, чтобы ты был таким же, – сказала она. – Не хочу, чтобы ты был как я. Я даже восьмой класс не закончила.

Какая клевая идея – не закончить восьмой класс. Он с трудом справлялся и с пятым. Учителя говорили, что Деминь невнимательный, не старается, но, когда он подставил подножку Трэвису Бхопе в классе математики, поразился сам себе не меньше Трэвиса.

– Я приду завтра в школу, – сказала мать, – поговорю с учителем про это твое задание.

Он шел вплотную к рукаву матери, наслаждался шуршанием курток. Она не была похожа на мамочек из телевизора, которые вечно обнимают своих детей или наблюдают за ними с мечтательными улыбками, но всегда держала Деминя за руку, когда они переходили оживленную улицу. Под перчатками мамины руки были красными и загрубелыми, а раздраженная кожа шелушилась. Каждый вечер перед сном она натирала пальцы густым кремом и морщилась. Однажды он спросил, лечит ли крем руки. Она ответила, что ненадолго, и Деминь пожалел, что не бывает специального крема, чтобы выростала новая кожа – как супермощные перчатки.

Низкая и коренастая, она носила свободные джинсы – он ни разу не видел ее в платье, – а голос у нее был до того громкий, что лаяли собаки и оглядывались другие дети, когда она звала Деминя по имени. Когда мать увидела его

последний табель успеваемости, он уже думал, что от ее крика сработают сигнализации машин на улице четырьмя этажами ниже. Смеялась она так же громко, как и кричала. И когда хохотала над какой-нибудь глупостью, то шлепала себя по коленям – для Демина не было звука приятнее. Она смеялась над несмешным: над теледрамами и их раздутыми оркестровыми саундтреками, а еще громче над Демином. Например, когда он пародировал машинальный ответ соседа Томми «неплохо-неплохо-неплохо» на еще не прозвучавшее «здравствуйте, как дела» при встрече на лестнице. Или когда она спросила, щелкая каналы телевизора: «“Танцы со звездами” еще не начались?» – а Демины, раскопавший старую бумажную модель Солнечной системы Майкла, стал вальсировать по комнате. Это было почти так же здорово, как дурачиться с друзьями.

Когда Демины жил с дедушкой в Минцзяне, его мать исследовала Нью-Йорк в одиночку. Она всегда была неусидчивой: дрыгала ногой, качала коленями, хрустела костяшками, играла с пальцами. В солнечный день она ненавидела сидеть в квартире и мерила шагами комнаты туда-сюда, туда-сюда, с болтающейся между губами сигаретой. «Кто хочет гулять?» – спрашивала она. Ее парень Леон просил ее расслабиться, присесть. «Присесть? Мы и так сидим целый день!» Демины хотелось остаться на диване с Майклом, но ей он отказать не мог. Тогда они шли на улицу вдвоем. Мать принадлежала только ему во время прогулки по парку или вдоль реки, когда они выдумывали истории про тех, кто жил в квартирах за окнами. «Смиты, пятеро детей, отец умер, у матери зависимость от бейглов», – фантазировал он, когда они гуляли по Верхнему Ист-Сайду.

– Бейглы? – спросила она. – С каким вкусом?

– Со-всем, – ответил Демины, и она прыснула еще громче. Потом на Мэдисон-авеню они уже хватались за животы, смеялись так сильно, беззвучно, до коликов, но не могли остановиться, а белые пожилые люди поглядывали на них косо из-за того, что они встали посреди тротуара. Демины с матерью обожали «бейглы-со-всем» – саму их наглость, нью-йоркскую дерзость, заявлявшую, что бейгл может быть «каким-угодно». Хотя на самом деле этим «со-всем» были всего лишь кунжут, мак и соль.

Мимо пропыхтел автобус, разбрызгивая грязь. На светофоре загорелся зеленый.

– Знаешь, чем я сегодня занималась? – спросила мама. – У одной женщины на пятке была мозоль размером с твой нос. Пришлось отскребать. Я трудилась целую вечность. В итоге не чаевые получила, а говно на палочке. Если будешь умным, тебе не придется таким заниматься.

Он привык сдерживаться, но всё равно боялся. Матери ругаться было можно, но единственный раз, когда он ляпнул перед ней «жопа», с восторгом перекатывая мясистые слоги во рту, она шлепнула его по руке и сказала, что он слишком приличный мальчик для таких выражений. Теперь он молча повторял это слово про себя на ходу, по слогу на шаг.

– Думаешь, когда я была девочкой твоего возраста, я думала: «Эй, а поеду я в тот самый Нью-Йорк чистить гао-гао с чужих ног?» Не это я планировала.

«Всегда будь готов, – любила говорить она. – Никогда не полагайся на других в том, что можешь сделать сам». Она презирала лень, мягкость, слабых людей. Друзей у нее было мало, но тем, какие были, она всегда была верна. Она могла быть и очень злопамятной: проходила три лишних квартала до другой бакалеи, потому что два года назад кассир из той, что на углу, фыркнул из-за ее плохого английского. А он действительно был плохим, тут Деминь не спорил.

– Взять, например, Леона. Как он тебе?

– Леон классный.

– У него спина не в порядке. Плечи болят. Мужчины работают не в маникюрных салонах. Не закончишь школу – будешь рубить мясо, как Леон, заработаешь артрит к тридцати пяти.

Было нехорошо обсуждать йи ба Леона, такого сильного – перед Деминем, Майклом и их друзьями он отжимался на одной руке и разрешал бить его в живот, хотя Деминь всегда сдерживался от удара в полную силу. «Еще разок, – говорил Леон. – И это удар? Рукопожатие». Деминь гордился Леоном, хоть тот и не был ему настоящим отцом, – на эту тему из матери слова не вытянешь, он знал об отце только то, что того никогда не было с семьей. Если бы Деминь мог выбрать, кем станет, когда вырастет, он бы хотел быть как Леон или как тот парень, который играл в метро на саксофоне, в окружении людей, пока танцуют пальцы, надувается грудь и туннель заполняется лиловыми и оранжевыми

всполохами. О, вот бы и Демина так любили!

Под снегом Фордем-роуд была необычно тихой. Тротуар перед заброшенным зданием покрыл гололед, к нему прилипла красная жвачка, как одинокая пеперони к замороженной пицце.

– Какая-то бесконечная зима, – сказала мама, они держались за руки на ходу. – Не хочешь уехать отсюда? Туда, где тепло?

– Дома тепло.

У них в квартире – если только они когда-нибудь до нее доберутся – отопление жарило. Иногда они даже ходили в одних футболках.

Мать нахмурилась.

– Я была первой девочкой в деревне, которая поехала в столицу провинции. Добралась до самого Нью-Йорка. Хотела объехать весь мир.

– А потом?

– Потом у меня родился ты. Потом я встретила Леона. Теперь ты – мой дом, – они начали подъем на холмистую Университи-авеню. – И мы переезжаем.

Он встал посреди обледенелой лужи.

– Что? Куда?

– Во Флориду. Я нашла новую работу в ресторане. Рядом с «Дисней-Уорлдом». Свою тебя туда, – она улыбнулась так, словно ждала улыбку в ответ.

– Йи ба Леон поедет с нами?

Она вытащила Демина из лужи.

– Ну конечно.

– А Майкл и Вивиан?

– Они присоединятся потом.

– Когда?

– Работа скоро начнется. Через неделю-две.

– Неделя? А как же школа?

– С каких пор ты так полюбил школу?

– Но у меня же здесь друзья.

Трэвис Бхопа уже несколько месяцев обзывал Майкла и Деминя тараканами. Порыв подставить ему подножку в проходе между партами был спонтанным, а выражение на лице Трэвиса – изумленным, звук падения – хлипким шлепком. Майкл с друзьями потом давали ему пять. «Зашибись, Деминь!» За это стоило остаться после уроков.

Они стояли перед продуктовым магазином.

– Пойдешь в новую хорошую школу. На новой работе много платят. Будем жить в тихом городке.

Ее голос выл трубой, а слова звонко били треугольником. Деминь вспомнил годы без матери, проведенные с йи гонгом в молчаливом доме на 3-й улице, и увидел такую тишину, в которой слышно, как моргаешь.

– Я не поеду.

– Я же твоя мать. Мы поедем вместе.

Хлопнула дверь продуктового. Вышла с двумя целлофановыми сумками миссис Джонсон – соседка.

- Когда я жил в Китае, тебя со мной не было, - сказал Деминь.

- Тогда с тобой был йи гонг. Я зарабатывала, чтобы привезти тебя сюда. Теперь все по-другому.

Он отнял от матери руку.

- Что по-другому?

- Тебе понравится во Флориде. Будешь жить в большом доме, в собственной комнате.

- Не хочу комнату. Хочу жить с Майклом.

- Ты ведь уже переезжал. Было не так трудно, правда?

Цвет на светофоре сменился, но миссис Джонсон оставалась на их стороне улицы и следила за ними. Университи-авеню не похожа на Чайна-таун, где они жили до переезда к Леону в Бронкс. В этом квартале не было других семей из Фучжоу, и люди иногда смотрели на эмигрантов так, будто их язык взялся из какой-то дыры.

Деминь ответил на английском:

- Я не поеду. Отстань.

Она замахнулась. Он отскочил, когда она бросилась на него. Потом мама его обняла - он терся щекой о снег на ее куртке, прижимался носом к груди. Слышал, как под одеждой бьется сердце, громкое и решительное, и, пока не растаял, заставил себя вывернуться из ее рук и побежал по кварталу с хлопающим по спине рюкзаком. Она топала за ним в резиновых сапогах, вскрикивая, когда поскользнулась на тротуаре.

Они жили в маленькой квартирке в многоэтажном здании, и мать Деминья мечтала о доме, в котором будет больше комнат. Мечтала о тишине. Но Деминь был не против шума, ему нравилось слышать, как соседи ссорятся на английском, испанском и других языках, которых он не знал. Нравились топот

ног и скрежет стульев, сальса, меренга и хип-хоп, футбольные матчи и «Колесо фортуны», мигающие из-под дверей и в щели в потолке, звенящие батареи и смыв туалетов. Он слышал, как другие матери кричат на других детей. В этом здании обитал целый город.

За ужином о Флориде не говорили. Демиль с Майклом посмотрели на Джорджа Лопеза и Веронику Марс, пока мать Демиля складывала выстиранное белье с прошлой недели. Леон работал на бойне в ночную смену. Сестра Леона, Вивиан, – мать Майкла – еще не пришла. Демиль лежал на одной стороне дивана, вытянув ноги на середину, а Майкл – на другой, как зеркальное отражение, и всё еще вспоминал Трэвиса Бхопу.

– Как он брякнулся! – Пятки Майкла стучали по подушкам. – Он это заслужил!

А что, если во Флориде будут такие большие комнаты, что они друг друга не услышат?

Мать натирала руки кремом. «Теперь ты – мой дом», – сказала она. Ранее Демиль вызвался купить ей в продуктовом сигареты и украл там «Милки Уэй». Он поделился половиной с Майклом, пока мать не видела. «Зашибись, Демиль!»

– Майкл слопал свою часть в один присест и смотрел на Демиля с таким восхищением, что тот понял: всё будет хорошо. Если с ними будет Майкл, если он не останется один, можно и переезжать. Мать не узнает о его наказании в школе, а они с Майклом найдут новых друзей. Демиль представил себе пляжи, песок, океан, как будет ходить в шортах на Рождество.

Поздно ночью или рано утром Демиль проснулся от удара по матрасу в другом конце спальни: мать шепталась с Леоном, пока Майкл дрых на спине. «Иди в жопу», – сказала мать. По улице прокатились снегоуборщики, отскребая асфальт.

Несмотря на все усилия, Демиль опять уснул, а когда прозвенел будильник, Леон всё еще спал, Майкл был в душе, а мать – на кухне, в рабочей форме: черных штанах и черной юбке; недокуренная сигарета тлела на краю пустой банки. Длинный и мягкий пепел постепенно опадал.

– Когда переезжаем?

Батарея звенела черными точками. Волосы матери были завиты неподвижным нимбом, очки казались заляпанными и жирными.

- Не переезжаем, - сказала она. - Торопись, а то опоздаешь в школу.

День всё же сохранил особенное свечение после отмены Флориды, хотя за пляжи и было обидно, даже когда Трэвис Бхопа сказал возле столовой этим своим вампирским акцентом «Я тебя убью». Понятно, что он говорил глупости и другим детям вроде «Я сожгу твой дом и сожру твои уши». На самом деле Трэвису не хватало союзников и подмоги. После школы Демиль и Майкл пришли домой вместе, открыли квартиру ключами, которые выдали им мамы, раскопали в холодильнике пачку риса и нарезку - влажные розовые кружки ветчины. Они наловчились готовить еду, которую даже их друзья считали отвратительной. Позже по такой еде Демиль будет скучать больше всего: жареный рис и салями, присыпанные чесночным порошком из большой пластиковой бутылки, лапша быстрого приготовления в кетчупе с американским чеддером и табаско.

Они поели на диване, занимавшем большую часть гостиной, - скользком монстре с оранжевыми и красными цветочками, которые скрипели, когда ты хотел сесть, но съезжал. Еще на нем спала Вивиан. Мать ненавидела этот диван, но Демиль угадывал в его узорах целые миры: тарасился, пока не косел и цветы не принимали разные формы - аквариума, конфет, деревьев в конце октября, и представлял себя под водой плавающим у поверхности ткани. «Когда у меня будет свой салон, первым делом избавлюсь от этой штуки, - говорила мать. - Однажды придешь домой - и нет его».

С четырех до восьми по телевизору показывали ток-шоу и местные новости. Короче говоря, мертвая зона. Завтра ожидалась контрольная по геометрии. Майклу готовиться к ней было не надо, а Демиль не собирался этого делать, пока не заставит мать. Его тянуло в сон от одной мысли о задачах на сегодняшнем уроке, когда он рядом с треугольниками и другими фигурами корябал ответы от балды.

- Сколько градусов составляет угол C?

- Пятьдесят хот-догов.

В семь, когда мама не вернулась, Демиль решил, что она работает допоздна и что он официально освобожден от геометрии.

Вивиан пришла домой к концу «Джеопарди» и принесла с собой запах аммиака. Она шила на кухне сдельные заказы для фабрики, но в последнее время еще убирала квартиры в Ривердейле.

- Полли нет? Никто не приготовил ужин?

- Мы ели ветчину, - сказал Майкл.

- Это не ужин. Демиль, твоя мама должна была купить продукты по дороге домой.

- Она на работе, - ответил Демиль.

Вивиан открыла холодильник и тут же закрыла.

- Ладно, тогда я в душ.

В восемь вернулся Леон.

- Твоя мама должна уже быть дома. Видать, новая начальница задержала допоздна. - Он купил на ужин замороженные пиццы и тефтели, которые напоминали фурункулы, но оказались масляными и вкусными. Демиль съел три кусочка пиццы. Мама никогда ее не покупала.

Зазвонил мобильный Леона. Он ответил в коридоре, Демиль убрал тарелки и подождал, пока отчим договорит.

- Это мама? Можно с ней поговорить?

- Это ее подруга Диди. - Леон стискивал телефон в руке так, будто выжимал мокрое полотенце.

- А где мама? Мы едем во Флориду?

- Она уехала на несколько дней. В гости к друзьям.

- Каким друзьям?

- Ты их не знаешь.

- Где они живут?

- Уже поздно. Ложись спать.

На кровати сидел Майкл.

- Где твоя мама? - Без очков он казался старше, каким-то худым, его глаза - широкими и рассеянными.

- Леон сказал, что ее не будет несколько дней. - Залезая под одеяло, Демиль не мог избавиться от дурного предчувствия.

Прошла неделя, и за это время он только один раз ходил в школу. Когда мать с Леоном уезжали с ночевкой в Атлантик-Сити, она звонила и напоминала ему лечь вовремя. Теперь Демиль сидел до ночи, ел M&M's на завтрак, прогуливал занятия с другом Хунгом, у которого месяц назад умер отец. Однажды они так долго смотрели DVD в квартире Хунга на Валентин-авеню, что заснули и проснулись. Потом опять засыпали, включая звук громче, пока автомобильные погони и перестрелки не заглушили холодный ужас, мечущийся внутри Демиля. Где мама? У нее не было никаких друзей. Теперь некому врать про то, за что его оставили после школы, некому его отчитывать и напоминать о том, что в жизни должен быть план. Вивиан не проверяла домашнюю работу; Майкл свою всегда делал сам.

И снова суббота. Тюбик с кремом для рук лежал в ванной в шкафчике рядом с ее зубной щеткой. В щетине пряталась зеленая крошка - кусочек овоща с коренных зубов. Демиль открыл крем, выдавил каплю. В нос ударил знакомый аромат, антисептический и цветочный, и он полоскал руки с мылом и с горячей водой, пока запах не пропал. Он нашел один ее носок в изножье кровати, а второй - на другой стороне комнаты, у комода, и скомкал их в шарик, как ей нравилось.

Сидел в углу спальни с коробкой маминых вещей. Синие джинсы; пластмассовая кошка – украшение для антенны мобильного, всё еще в упаковке; желтый свитер, который она ни разу не надевала, с точками твердых катышков на рукавах. Синяя пуговица, твердая и круглая, которую он сунул в карман.

Ее кроссовки, зубная щетка, фиолетовая кружка со сколом, из которой она пила чай, – всё еще в квартире; но не ее ключи, кошелек или сумочка. Деминь открыл шкаф. Куртки, зимней шапки и сапог не было – их она надела на работу в тот четверг, но остальная одежда на месте. Он закрыл дверцу. Она не собрала вещи. Может, мама стала жертвой преступления, как в сериале CSI, а может, умерла.

Майкл пил из фиолетовой кружки воду, и Деминю хотелось выбить ее из рук друга. Он не желал, чтобы мама умирала, никогда-никогда, но это в каком-то извращенном смысле казалось лучше того, что она ушла от него, не попрощавшись. Последнее, что он сказал матери, – «Когда переезжаем?». Если бы его не оставили после уроков, если бы он ушел из школы в обычное время, если бы не спорил из-за Флориды, если бы вмешался в ссору с Леоном, она бы всё еще была здесь. Как детектив, изучающий одни и те же пять секунд с камеры видеонаблюдения, он пересматривал в голове прошлую среду, когда они вместе шли домой из школы. Снова и снова Деминь с мамой переходили Фордем-роуд, ждали на светофоре, поскользывались на льду, обнимались под привычным присмотром миссис Джонсон. Он делал наезды, прокручивал в замедленном действии подъем по Университи, потом отматывал назад, и они спускались задом наперед, проносились в обратную сторону машины и автобусы. Деминь разбирал слова матери, искал намеки, почти так же, как учителя английского заставляли читать стихи и двадцать минут рассуждали об одном предложении, о смысле, спрятанном в нем. Деминь разбирал смысл ее рассказов о своей жизни. Смысл Флориды. Смысл того, что она не вернулась домой.

Он услышал поворот ключа в двери и надеялся, это она, войдет и скажет: «Что, думал, я тебя бросила? За кого ты меня принимаешь, малыш, за героиню из “Возвращения домой”?» Они смотрели по телевизору фильм, где мама бросила детей в торговом центре и не вернулась. Тогда его больше заворожил сам торговый центр, его просторная пригородная пустота. Если мать вернется домой, Деминь не будет играть с едой или говорить по-английски так быстро, ей больше не придется переспрашивать. Он будет делать домашнюю работу, мыть посуду, поддастся ей в «Кротобое». Пусть она надерет сыну задницу так же, как прошлым летом на церковном карнавале в Бельмонте, когда Майкла стошнило сладкой ватой после карусели «Осьминог».

Но пришла не мама, а Вивиан, стряхивающая грязь с туфель. Деминь подбежал к ней и закричал:

- Ты должна ее найти, она в беде!

Вивиан, с лицом круглым и широким, как у Леона, обняла его за плечи.

- Она не в беде.

Вивиан была теплой и знакомой, но неправильной мамой, и вместо лака для ногтей и крема для рук от нее пахло потом и чистящим средством с лимоном.

- Мама во Флориде?

Вивиан прикусила губу.

- Мы не знаем точно. Пытаемся узнать. Уверена, с Полли все в порядке.

Таял снег, на деревьях распускались розовые почки. Однажды вечером Леон и Вивиан сидели на диване и разговаривали, но, когда вошел Деминь, тут же замолчали и переглянулись. На той неделе Деминь и Майкл убрали зимние куртки и достали футболки. Деминь увидел в шкафу мамину весеннюю куртку, которую та называла рождественской, ассоциируя зеленый с цветом сосновых игл, - и быстро отвернулся. Он извинился перед Трэвисом Бхопой, надеясь, что этим все исправит, что, пожертвовав своей гордостью, обеспечит безопасность матери. «Ты что, псих?» - спросил Хунг, а у Майкла был такой вид, словно Деминь подставил подножку ему. Трэвис буркнул: «Мне пофиг». Мать не вернулась.

Чем хуже он себя чувствует, тем скорее она вернется. Деминь решил не есть целый день, это оказалось несложно. Вивиан и Леона часто не было дома, а на ужин оставались лишь пачка картофельных чипсов да чашка рамена быстрого приготовления. Четыре раза в неделю - пицца из продуктового. Теперь-то уж мама вернется домой. Он засыпал в школе, чувствуя слабость от голода. Мама сводит его в ресторан и угостит энчиладой, и он только радовался, что похудел, потому что теперь ей не придется покупать ему новую одежду. Она не

вернулась.

Если он получит пятерку по геометрии, она вернется. На контрольной он получил четверку с минусом, на следующей поднял планку – четверка с плюсом. Она не вернулась. Вивиан была права. Она уехала во Флориду и бросила его.

2

Десять лет спустя Дэниэл Уилкинсон стоял в углу, надеясь, что никто не посмотрит на его ноги. На нем были утепленные трекинговые ботинки с полосками зеленого цвета – необходимая защита от зимы на севере штата, но в городе – оскорбление эстетических вкусов. С гортексовой курткой, шерстяной шапкой и пухлыми перчатками, лежащими в гримерке вместе с гитарой – сливочным «Стратом», который он прикупил на «Крейгслисте», его джинсы и черная футболка не казались откровенно пригородными, но на ногах у остальных парней были снежно-белые кроссовки или темные кожаные туфли, и в нем проснулся старый страх, что его заметят, разоблачат, выгонят. Ты фальшивка. Как тебя зовут по-настоящему? Откуда ты на самом деле?

Он зарылся руками в карманы и потер ткань между большими и указательными пальцами. Как вообще шьют внутри карманов? Он представил себе целый цех швейных машин, женщин, подводящих деним под прыгающие иглы, и вспомнил мать.

Концерт проходил в лофте последнего оставшегося промышленного квартала на Нижнем Манхэттене. Вдоль одной стены шли окна, обрамленные февральской изморозью; ноги липли к бетонному полу из-за пролитых напитков. Ближе к сцене, где выступали группы, было жарко, как в июле. Нынешний состав – матрокеры, у которых весь сет казался длинной получасовой песней, сплошь темно-серые цвета и хилые углы. Виски солиста были выбриты, зато на макушке волосы торчали, как пригоршня лакричных палочек. Группа напомнила Дэниэлу, как он целыми днями угашивался в общаге Потсдамского отделения Университета Нью-Йорка – SUNY – и крутил одну и ту же песню на повторе, пока ноты не расслаивались и не распускались.

Слава богу, он больше не в Потсдаме. Он пил водку из пластикового стаканчика, чувствовал, как по животу разливается тепло, стачивая нервы, пока музыка не пропитала с головы до пят. Когда на сцену выйдут они с Роландом, публика

будет в шоке. Дэниэл вспомнил момент, когда чувак по имени Нейт говорил про Вика Сирро, а он ляпнул: «А, это ты про парня с синим рюкзаком?» Нейт скривился так, будто увидел у него пятно на штанах.

«А, это ты про парня с синим рюкзаком?». Дэниэл мысленно отвесил себе пинка. Нейт был настолько высоким и тощим, что преждевременно отрастил горб, а из-за вытянутого сухощавого лица казался родственником жирафа, но даже он считал Дэниэла лузером. После сегодняшнего дня никто не отвернется от него посреди разговора и не будет смотреть сквозь него так, будто он невидимый. Группа будет играть при солд-аутах, обозреваться в музыкальных блогах, с его фоткой на самом видном месте. Роланд всем рассказывал, что новый проект пока лучший – воссоединение с первым соавтором, с безумной гитарой Дэниэла. Из-за этих разговоров Дэниэл нервничал, словно они искушали судьбу. Всю неделю он ждал, что кто-нибудь пошлет Роланда и скажет не выпендриваться. Но здесь ради Роланда собралось ползала, и Дэниэл изо всех сил пытался выпитать возбуждение толпы.

Он налил себе водки, опрокинул стакан, еще налил. Вылез на крышу – город раскинулся широко, словно подношение Дэниэлу, хотя он ни за что бы не признался вслух перед остальными, что его впечатляет вид. На севере всюду лежал снег – сезон глубокой комы. Но в городе выпало мало, на крыше горели лампы-обогреватели, а далекие мосты освещались, как на рентгеновском снимке. Доносилась долбящая инструменталка. Золотыми и зелеными лампочками как в замедленной съемке освещались руки и ноги, танцующие казались зверями, выслеживающими добычу. Были девчонки с геометрическими татуировками на внутренней стороне рук, с волосами, заплетенными как змеи, с глазами, будто подведенными фломастерами. Какая-то из девиц тоже сегодня выступала – жуткие завывания и грохочущие клавишные, скрипка, терменвокс[1 – Электромusикальный инструмент, созданный в 1920 году советским изобретателем Л. Терменом, и единственный музыкальный инструмент, на котором играют движениями рук в воздухе, без прикосновений, меняя емкость электромагнитного поля. Прим. ред.], мелодика – один инструмент страшнее другого. Дэниэл взглянул на свои ботинки и двинулся в гущу танцев, где музыка казалась подводным сном.

За годы до того, как понаехавшие осмелились показать нос из своих пригородов, Дэниэл был городским пацаном, к четвертому классу наизусть выучившим карту метро, но по-прежнему чувствовал себя чужаком. После Риджборо Дэниэл потерял уверенность, в отличие от Роланда, который задавал курс вечеринки,

просто появившись на ней. Когда Роланд спрашивал, кто хочет в «Тако Белл», – что вызвало бы молчание или даже насмешки, предложи это кто-то другой, – все говорили «конечно, норм, идем». Если Роланд объявлял концерт унылым, все соглашались свалить. Дэниэл же был гибким – как все и никто, приемник настроений, осторожный наблюдатель. Он следил за чужими реакциями, прежде чем определялся со своей. Дэниэл мог быть прикольным, или серьезным, или каким требовала стратегия. Он мог быть каким угодно. Иногда это выходило ему боком.

Однажды он услышал разговор про группу под названием Crudites и сказал: «Да, слышал о таких, поп-панк из девяностых, да?» Другой парень ответил: «Это несуществующая группа. Прикол». Как быстро Дэниэл тогда выпалил, что, видимо, ослышался. Недавно вечером, когда они с Роландом тусили с друзьями, которые расхваливали «Бутылочную ракету», Дэниэл все время кивал. «Ты же вроде ненавидишь Уэса Андерсона», – сказал потом Роланд. «Что, мне нельзя передумать?» – ответил Дэниэл. И спросил себя: «А что, если меня зря раздражает статус фильмов Уэса Андерсона? Вдруг я проглядел скрытую гениальность, очевидную более образованным людям?»

Если бы у него была правильная одежда, если бы он знал правильные вещи, Дэниэл наконец стал бы тем, кем должен. Уверенным в себе, с идеальным вкусом, только не таким самовлюбленным, как Роланд. Заслуживающим любви, безупречным. Но сколько альбомов ни покупай и сколько плейлистов ни составляй, настоящий он упрямо оставался у всех на виду. Похожий на жирный круизный лайнер на горизонте – видимый, но недосягаемый; и каждый раз, когда Дэниэл к нему подбирался, тот уплывал еще дальше. Он вечно ждал, когда его пустят в тайные двери за бархатной веревкой, а когда пускали – не мог до конца поверить, что вошел. Возникла другая дверь, другая веревка, обещая что-то еще лучше.

Дэниэл сжимал пустой стаканчик. Медленно рвал, гнул края, пока пластик не разошелся по линии. Мат-рокеры играли уже сорок минут. Вокруг он не видел знакомых лиц, так что взял новый стаканчик и долил последнюю водку. Стриженного почти под ноль Роланда в черном блейзере он нашел у стены. Вороватыми чертами лица и обезоруживающей улыбкой Роланд напоминал Дэниэлу гангстера из девятнадцатого века. В старшей школе оба парня слишком отличались, чтобы привлекать внимание девушек или других парней, с которыми Роланд тоже встречался. Хотя Дэниэлу нравилось думать, что теперь это не имеет значения. Роланд по-прежнему был низким, компактным, но

жестким, с орлиным лицом, с отрывистыми и резкими движениями. Его маниакальная энергия больше не казалась странной, как раньше в Риджборо, как и его глубокий хрип, слегка пугающий в исполнении двенадцатилетки.

– Мы всех уделаем, – сказал Роланд. – Эти ребята такие вторичные.

Дэниэл рассмеялся и позволил залу расплыться по углам. Как же здорово снова вернуться в город, снова играть с Роландом. Вместе они играли почти полжизни. Дэниэл – гитара и вокал, Роланд – вокал, ударные, сведение и иногда бас. Они играли на квартирниках в Карлоу-колледже, или на концертах в Риджборо-Элкс-Лодж, или в амбаре в Литтлтауне. В старшей школе у них был (к счастью, недолгий) эксперимент с электрокляшем, пауэр-трио с их другом Шоном на барабанах и еще арт-панк-дуэт под названием «Уилкинсон Фуэнтес». Он запомнился зрелищным провалом Дэниэла при попытке сыграть на своем белом «Сквайре» зубами в стиле Хендрикса.

– У этих ребят такой звук, будто они дрочат на папочкины альбомы Yes, – сказал Дэниэл.

– Слишком много вторичных групп, – сказал Роланд. – Не то что тот сет с терменвоксом.

Сказать по правде, их Psychic Hearts тоже были вторичными – ночной кошмар в ритме ню-диско, будто Роланд замиксовал волосатый металл и «Дракулу» с разреженным звучанием нойз-попа, подрезав название у малоизвестного альбома Терстона Мура. Всё это позерство и детали нужны были только для того, чтобы намеренно свести их на нет. Навороченный лоу-фай – не его музыка, не та музыка, которую бы хотелось играть. Дэниэлу драм-машина Роланда казалась предсказуемой, тексты – расплывчатыми и мутными, стилизация под восьмидесятые – слишком нарочитой. В походке Роланда на сцене, в том, как парню легко давалось выступление, с какой неразборчивостью это пожирала толпа, всегда ощущалось что-то безвкусное. Но если Роланд хочет делать такую музыку, Дэниэл его не подведет.

Роланд позвонил в прошлом месяце и сказал, что ему нужен гитарист для нового проекта. «Наш диван – твой диван, если надо. Чего сидеть в глуши под боком у Канады?» Роланд переехал в город сразу после выпуска, работал, пока не смог позволить себе вечернее обучение в колледже. Дэниэл уже больше года не

видел друга, они почти не общались. «Никто не может играть со мной так, как ты», – сказал Роланд. На следующий день Дэниэл взял билет в одну сторону и приехал в город на автобусе, провонявшем памперсами. Не то чтобы у него были какие-то особые планы на жизнь после отчисления из Потсдама. Как говорили родители и как напомним завтра снова, он выкинул свое будущее на помойку.

Серые шторы, криво пристеплеренные к стенам, граффити, намалеванные маркерами на двери туалета, – это была вечеринка «Только по приглашениям». Сюда приходили искать новые группы агенты таких клубов, как «Юпитер», где мечтал играть Роланд. У Роланда была знакомая, которая занималась секретной рассылкой и забукировала его выступление по старой памяти. Если парень из «Юпитера» оценит Psychic Hearts, однажды он сможет взять и сольный проект Дэниэла.

Дэниэл осмотрел толпу. Сзади отдельно от всех стоял человек с усами в белой бейсболке, в огромных коричневых походных ботинках с оранжевыми шнурками. Дэниэл снова посмотрел на свои.

– Это он? Агент «Юпитера»?

Роланд закатил глаза. Мат-рокеры доиграли. Перед сценой прошелестели анемичные аплодисменты, и один из друзей Роланда обернулся, показал большие пальцы.

– Ты готов?

– Всегда, – ответил Дэниэл.

Четвертая водка точно была лишней. Когда они закончили чёкаться, Дэниэлу уже казалось, будто он смотрит на зал в чужих очках. Парень проморгался, глядя на напыленный рисунок кошки на противоположной стене, и продолжил настраивать гитару, без конца теребя одну и ту же струну. Дэниэлу хотелось, чтобы люди уставились в телефоны, а не пялились на сцену в ожидании, когда гитарист слажает. Роланд сыграл первые ноты, завел бит на своем Akai MPC60. Дэниэл извлек аккорд – стильный и уверенный, и песня засочилась красками – темно-синей и светло-коричневой, как нутряные ноты, выжатые из духовых. В глазах плыл сет-лист из шести песен, лежащий у ног. Он сыграл до, ми-минор,

Роланд пропел первую строчку. Ноты казались грустными и нестройными, совершенно неправильными. Как в тот раз, когда Дэниэл откусил от желтого квадратика, который принял за ананасовый пирог, а он оказался очень острым сыром.

Роланд продолжал. Они часто лажали на концертах, и виноватый всегда в итоге исправлялся. Это был их негласный договор, как родители говорят однажды детям: если потеряешься, стой на месте, мы за тобой вернемся. Но в этот раз ноты не вернулись. Они репетировали всего пару раз, самоуверенные из-за своего долгого совместного прошлого, но, когда Дэниэл прищурился на сет-лист, не узнал ни одно название. Дело оказалось не столько в нервах – несмотря на возраст, он уже не слыл любителем, – сколько в самовнушении. «Ты обязательно всё запорешь». Он рванул аккорд, еще один. Вспомнился рифф, Дэниэл сыграл. Это была его Мелодия, и ему захотелось играть громче. Он так и сделал. Вокруг закрутилось ярко-оранжевое. Завизжал фидбек. Дэниэл видел, как люди кривятся, закрывают уши.

Роланд закончил петь и сказал: «Эта песня называлась “Пожалуйста, покажи свои клыки”». Он начал следующую, но Дэниэл не узнал и ее. Он как будто проснулся в чужой стране, где все говорили на незнакомом языке, и должен был толкать речь. «Играть поучись», – крикнул кто-то. Дэниэл нигде не видел человека из «Юпитера». Стало еще душнее, уже, и он больше ничего не слышал, кроме быстрого ускорения взбудораженных барабанов, топота конских копыт, диких мазков серого на черном. Опасность – бил барабан. Ему нужно было исправиться – прийти в себя, – он так быстро скатывался, что не мог поделаться ничего, кроме как ускориться: это как жать на кнопку ставки в безлимитном холдеме, когда знаешь, что у тебя хреновая рука[2 - Безлимитный холдем – разновидность покера, при которой игрок не ограничен размером ставки. Рука – комбинация из двух карт которая досталась игроку.], снова жать, смотреть, как уходят деньги, снова жать – не в силах сделать ничего, кроме как следовать этому единственному импульсу – саморазрушению. Он знал, что не мог подвести Роланда. Тот никогда его не простит, и сам он себя никогда не простит, но больше на сцене Дэниэл оставаться не мог.

Он отключил гитару. Бит продолжался. «Ты чего делаешь?» – прошептал Роланд. Дэниэл соскочил со сцены, протолкался через зрителей. Он слышал, как Роланд зовет его по имени, слышал смех, когда выбегал из зала.

Он вывалился на улицу, и холодный воздух врезал по лицу. Он забыл куртку наверху. На Бауэри перед «Юпитером» на тротуаре выстроилась очередь. Он представил свое имя на афише и отвернулся, потом перешел первый попавшийся светофор, побрел на юг. Надо бросить музыку, вернуться в колледж, порадовать родителей. Заложив резкий вираж влево, он спустился по Мотт к Канал-стрит, прошел лапшичные и продуктовые магазины, где все вывески были на китайском. Он мог разбирать их символ за символом: «Лицензированная акупунктура», «Международные визитки». Расшифровка китайского занимала и отвлекала, он пошел быстрее, поскользнулся под падающим снегом, вытирал сопливый нос кулаком. На севере штата он время от времени начинал составлять губами очертание слова на фучжоуском, чувствовал, как оно обретает форму во рту, вспоминал «Ш» или «Цз», но искать правильное слово было как бороться с воздухом. Смысл помнился, а звуки давно забылись. Да и поговорить было не с кем, даже если бы он смог.

После стольких лет вне города он поразился тому, как много людей в Чайна-тауне, поразился улицам, которых не помнил, сплошным витринам на витринах. Теперь оказаться в окружении других китайцев было так странно. В старшей школе ребята говорили, что никогда не считали его азиатом, а Роланда – мексиканцем, будто это комплимент. Он был не китайцем-японцем-корейцем-или-кто-он-там с родителями-профессорами, а парнем, который играл на гитаре, который участвовал в куче групп, который морщил лоб на задних рядах классов для отличников, но всегда набирал проходной балл (несмотря на оценки, все верили, что ему дается математика). В Потсдаме на лекциях были и другие азиаты – студенты по обмену, сбившиеся в кучку, или одинокие волки, кого на вечеринках он видел в окружении белых друзей. Он их избегал; это было взаимно. Но он больше не в Потсдаме. Теперь у него есть только город и долгий «Потерянный уик-энд»: танцы на концерте на барже; поездка на такси через Уильямсбургский мост с сияющим в отдалении Манхэттеном, куда они влезли на заднее сиденье впятером – у него на коленях случайная девчонка, Роланд впереди трепетая с водителем о кишечной флоре или грибочестве; поздний киносеанс «Заводного апельсина», после которого выходишь навстречу субботнему рассвету. Такие ночи были как прошлое, настоящее и будущее, слившиеся в одной сахарной волне, где все, кого он знал, катаются вместе с ним на карусели под музыку свистящей каллиопы.

Он споткнулся о собственный шнурок и присел его завязать. Неужели после сегодняшней ночи всё кончится? Может, он немного потеряет. Были и утра, когда он просыпался на диване Роланда, и перед ним расстилался очередной одинокий день, и Дэниэл часами бродил по холоду, не торопясь возвращаться в

пустую квартиру, уверенный, что совершил роковую ошибку. А теперь действительно совершил. Слажал перед людьми, которых мечтал впечатлить.

Со стучащими зубами он потер мурашки, выскочившие на руках, прошел мимо магазина мобильных телефонов с расклеенными на витринах объявлениями на китайском. В первый год старшей школы он увидел в торговом центре Литтлтауна китаянку. Худая, волосы с химической завивкой, вцепилась в гроздь сумок со связанными ручками. Она приблизилась; лицо уже было не спрятать, и, когда она заговорила, он понял ее мандаринский. Она заблудилась. Не мог бы он помочь? Ей нужно позвонить, найти автобус. Лицо у нее было испуганное и нервное. Два подростка в стороне – бледных и нескладных – наблюдали и пародировали ее акцент, и Дэниэл ответил на английском: «Я не говорю по-китайски». После он пытался забыть эту женщину, потому что, когда о ней думал, чувствовал глубокое, гулкое одиночество.

Он вспомнил о ней и сейчас, жалея, что не взял наушники, что его не утешит песня, что шум и дым не затмят ночь. К нему с любопытством пригляделся мужчина в блестящей дутой куртке, какие Дэниэл помнил по вешалкам в магазинах на Фордем-роуд. «На что уставился?» – крикнул Дэниэл ему в спину.

Зажужжал телефон. Сообщение от Роланда: «Ты как??» Он проверил почту. Музыкальные рассылки, статья об уровне безработицы и высшем образовании, которую переслали родители и которую он удалил, не читая. Сообщение от Майкла Чена, пришедшее больше двух месяцев назад, на которое он до сих пор не ответил, но и не удалил:

Привет, Дэниэл!

Я ищу Дэниэла Уилкинсона, которого раньше звали Деминь Гуо. Это ты?

ПРИВЕТ!! Это Майкл. Ты с мамой жил в Бронксе со мной, моей мамой и дядей Леоном. Моя мать несколько лет назад вышла замуж, и теперь я живу с ней и отчимом в Бруклине. Я учусь на втором курсе в Колумбийском университете.

Я знаю, мы много лет не общались. Если ты тот самый Дэниэл, то можешь мне написать или позвонить по номеру 646-795-34-60? Это важно. Это насчет твоей мамы.

Если это не тот Дэниэл Уилкинсон, можешь об этом сообщить, чтобы я больше тебя не беспокоил?

Надеюсь на ответ!

Майкл Чен

Теперь Дэниэл его перечитал и снова закрыл, не высказав слова, кипевшие внутри почти постоянно.

– Блин, – сказал Дэниэл. – Жопа.

Неужели Майкл, Леон и Вивиан запросто вернутся спустя десять лет. Можно подумать, он внезапно стал нужен этим людям. Они отпустили Деминя, отдали. Что такого расскажет о матери Майкл? И хотел ли он знать? Где бы мама ни находилась, это дела давно минувших дней.

Дэниэл выключил телефон и пошел на север. Ботинки гроыхали по тротуару. Переходя Канал, он наступил в лужу и почувствовал, как сзади на джинсы плеснула вода. Дэниэл никогда не предаст другого человека. Никогда не бросит и не исчезнет, в отличие от матери или Леона. Он вернется в квартиру и извинится перед Роландом, выучит все песни, будет играть, пока не сотрет пальцы, репетировать, пока не искупит грехи и не вернется в форму. Пока не станет идеальным.

– Не пойму, почему они выбрали такой нечитаемый шрифт. – Питер прищурился на зазубренные буквы, подражавшие рукописному тексту. Он случайно задел снизу ногами стол, и посуда подпрыгнула. – И стул этот. Какой-то детский размер.

Официантка со здоровым кольцом в носу уже и так кричала громче джазовых стандартов, но Питер просил ее повторить, что подают на бранч, а Кэй спрашивала про каждое блюдо. Лимонный курд кислый? Я не люблю кислое. Что значит «пепитас»? Что такое говядина «Лафрида», почему корову называют по имени? Мягкая бархатная подушка на стуле Дэниэла постоянно съезжала, и он скомкал ткань, зажав коленями.

Родители Дэниэла приехали в той же одежде, которую носили, сколько он их помнил: Питер – в мятых джинсах цвета хаки и кардигане земляных тонов, Кэй – в пастельной водолазке и юбке из вельвета в широкий рубчик. За десять лет он перестал замечать, как отличается от родителей. Два месяца Дэниэл их не видел, работал, ездил в метро и ходил по улицам с самыми разными людьми. Теперь же родители отличались от всех: тихие, скромные, не от мира сего. Смена ролей неожиданно принесла удовлетворение.

– В колледже заваривается скандал, – сказала Кэй. – Прошу прощения за каламбур про кофе.

Дэниэл допил чашку.

– В Карлоу?

– Студенты из меньшинств вышли на протесты. – Питер сделал резкое ударение на слове «меньшинства». – Хотят, чтобы администрация учредила факультет этнографии.

– И что здесь плохого?

– Ну, не то чтобы мы с ними не согласны, – сказала Кэй. – В смысле, мы ведь тоже ценим разнообразие.

– Но уровень язвительности, – сказал Питер. – Откровенно говоря, он совсем не на пользу делу. С моих лекций уходили студенты. Это попросту срыв учебного процесса.

– Белые студенты, разумеется, тоже участвуют, – добавила Кэй. – Постоянные требования политкорректности, предупреждений о шокирующем содержании учебной программы. Боюсь, мы воспитали поколение неженков. Мне бы хотелось думать, что тебя мы вырастили без мысли, что тебе все должны.

– Конечно, мам.

Официантка вернулась с заказом, и Питер попросил еще кофе. Кэй достала из своей чашки пакетик и выжала ложечкой. По пятницам они не преподавали,

встали в шесть утра, чтобы пять часов ехать в город. Родители планировали вернуться домой сразу после обеда, отказавшись от возможности переночевать в квартире Роланда. «Мы не будем спать на диване Роланда Фуэнтеса», – ответил Питер так, словно само предложение было абсурдным.

– Мне тоже еще кофе, пожалуйста. И воды. – С утра Дэниэл выхлебал уже два стакана, но во рту по-прежнему было сухо.

Кэй пригляделась к нему.

– Гулял вчера допоздна? Ты только проснулся?

Он покачал головой.

– Понимаю. Я помню, как ты просыпался спозаранку на летних каникулах.

– Вы меня знаете, – сказал Дэниэл. – Люблю вставать с первыми лучами.

– Кто рано встает, верно?

Питер размешал сахар в кофе.

– Как нынче поживает Роланд?

Когда Дэниэл проснулся сорок минут назад после нескольких часов рваного сна, его куртка лежала сложенной у изножья дивана, а дверь в спальню Роланда была закрыта. С тех пор как он сбежал с концерта, они еще не виделись.

Дэниэл цедил сквозь зубы, выдавливая предложения.

– Отлично! Вчера мы отыграли на концерте. – Когда он резал омлет, задел локтем Кэй.

– Вчера. В баре?

– Мам, я же понимаю. Только пиво время от времени.

– Ты знаешь, как говорят: искушение ведет к рецидивам. Тебе лучше быть с нами дома, ходить на собрания. Ты же ходишь здесь на собрания?

Каждый раз, когда они разговаривали, мама спрашивала одно и то же, и каждый раз Дэниэл врал.

– Одно постоянно проходит рядом с Роландом. Я тебе рассказывал.

Дэниэл видел письмо от декана, которое пришло в конце прошлого семестра, где жирным шрифтом извещалось об отчислении. После того как за весенний семестр его средний балл упал до 1,9, университет назначил ему испытательный срок, а в октябре он перестал ходить на пары. Питер установил на ноутбук Дэниэла программу блокировки, хотя покерные сайты и так уже забанили его за превышенное число аккаунтов с долгами.

Он стукнулся коленом о стол, расплескав чай Кэй. Питер наблюдал, как он промокает лужу салфеткой.

– У меня все хорошо. Нормально зарабатываю, не пользуюсь кредиткой, и сосед Роланда съезжает в мае, так что я займу его спальню. Это не Потсдам, где нечего делать. Здесь я слишком занят, чтобы отвлекаться на остальное.

– Говорит, в Потсдаме нечего делать, – фыркнул Питер. – Это колледж. Там полагается учиться, вот что там делают. А не это твое... остальное.

– Не знаю, – сказала Кэй. – Я почитала о зависимостях, и они порой выходят из-под контроля, а Нью-Йорк полон искушений.

– Мам, доверься мне.

– Дурная компания есть везде, да, но в Нью-Йорке больше людей, больше и шансов столкнуться с плохой компанией.

– Трудисься в мексиканском ресторане, как чернорабочий, – сказал Питер.

– Не будь расистом, – ответил Дэниэл.

– Что, теперь сказать «мексиканский» тоже расизм? Ну, ты подаешь тако и жареные бобы. Если это не мексиканское, то я уж и не знаю какое. Просто называю вещи своими именами.

– Ты серьезно? Владельцы белые и богатые, так что можешь не переживать. Там работают люди всех рас и возрастов. У меня есть коллега-индеец из Технологического института и черный коллега, который учится в Нью-Йоркском. А владельцы вообще не ходили в колледж – и пожалуйста, гребаные миллионеры. Я их ни разу не видел, потому что они даже не появляются в Нью-Йорке. Один живет в доме на дереве в штате Вашингтон, его брат серфит в Коста-Рике, а еще один перебрался в Берлин.

Питер промолчал, подцепив вилкой яйцо бенедикт.

– Дэниэл, – сказала Кэй. – Не разговаривай с отцом в таком тоне.

– Довольно, – сказал Питер. – Будет ходить вокруг да около. Мы ехали пять часов не для того, чтобы выслушивать его сарказм.

– У нас хорошие новости, – сказала Кэй. – Отличные новости. Карлоу-колледж готов принять тебя начиная с этого лета. Сдашь все пропущенные зачеты. Конечно, на испытательной основе.

Питер и Кэй давно хотели, чтобы Дэниэл поступил в Карлоу, где могли добиться скидок на оплату обучения, но уступили его выбору SUNY в Потсдаме при условии, что он не станет брать курс по музыке. Финансовой поддержки от университета и доходов с работы во время обучения хватало на оплату, пока оценки оставались на уровне. Потсдам был достаточно далеко, на севере, чтобы Дэниэл мог спрятаться.

– Но я уже здесь. Мне есть где жить.

– Диван Роланда – это не жилье, – сказал Питер.

Дэниэл сделал долгий глоток воды.

– Я не хочу в Карлоу.

– Надо было подумать об этом до того, как тебя исключили из Потсдама.

– Я никуда не хочу. Я хочу остаться здесь.

– Мы с матерью за тебя поручились. Мы записали тебя в Карлоу вопреки опасениям декана, если честно, вполне обоснованным. Она видела документы об отчислении, твою академсправку. Пришлось из кожи вон лезть, чтобы убедить ее, что ты заслуживаешь второй шанс. Твоя неблагодарность потрясает.

Кэй положила ладонь на запястье Дэниэла.

– Я знаю, что у тебя был трудный период. Но нельзя бросать учебу после двух лет вуза. Что ты будешь делать без диплома?

– Займусь музыкой.

– Музыкой! – у Питера покраснел лоб. – Не глупи. Музыка оплатит тебе жилье, купит продукты?

Питер твердил одно и то же с тех пор, как Дэниэлу исполнилось двенадцать лет.

– Роланд не заканчивал колледж и неплохо поживает, – сказал Дэниэл, обойдя вниманием то, что Роланд учится бизнесу на вечерке. – Его сосед Эдриан на третьем курсе колледжа – и уже в студенческих долгах как в шелках.

– Это безумие. – Кэй покопалась в экосумке, достала пачку бумаг и вручила Дэниэлу.

– Пятнадцатое марта, – сказал Питер. – Через три недели. Это срок, когда тебе надо подать документы, чтобы поступить в Карлоу на лето. Веб-сайт с онлайн-анкетой там указан. Я бы сам написал за тебя заявление о целях обучения, если бы это не было нарушением этических норм. Представь, я об этом думал. И не считай это свободным выбором.

Питер уже заполнил первую страницу с именем Дэниэла и адресом в Риджборо. Дэниэл сложил бланки и убрал в карман.

– А если я запишусь в Карлоу осенью или переведусь в вуз в городе? Здесь больше работы и связей. Мне нужно несколько месяцев для себя. Вернусь на учебу с новой энергией. Сфокусированным.

– Не пойдет, – сказала Кэй.

– Один семестр безделья и так уже много, – сказал Питер. – Ты рискуешь отстать. Будь моя воля, после обеда ты бы уже ехал с нами домой. Но твоя мать, похоже, верит, что ты сознательный человек.

– Ну... – начала Кэй.

– Сознательный. Вам не о чем беспокоиться.

– Ждем от тебя анкету в следующие выходные и копию заявления, а после этого ты пришьешь подтверждение, что подал документы.

– В следующие выходные?

– Мы снова будем в городе, – сказала Кэй. – Джиму Хеннингсу исполняется шестьдесят, и он отмечает в субботу вечером. Там будет Энджел. Ты, конечно же, присоединишься.

У Дэниэла одеревенели мышцы. Значит, Энджел не уехала в Непал. Если бы они еще оставались друзьями, если бы они еще общались, он рассказал бы ей о письме Майкла, об обвинениях Питера в неблагодарности, о том, как его разрывают чувства гнева и признательности. Если бы только Питер и Кэй знали, как Дэниэл хотел одобрения родителей и как боялся их разочаровать. Так же, как уже разочаровал свою мать.

Однажды Энджел рассказала Дэниэлу, что чувствует себя обязанной родителям. «Но мы же не можем портить себе жизнь, только чтобы их осчастливить, – говорила она. – Так нельзя». Дэниэл знал ее с самого детства, но долгие ночные телефонные звонки начались прошлой весной. Большую часть того года только Энджел и была для него утешением. Ее искренность заражала, и ему нравилось слушать о ее друзьях и влюбленностях, о планах на лето, о том, какие ей предметы нравятся и какие нет, о том, что жизнь на Среднем Западе намного

спокойнее и тише, чем на Манхэттене, – тишина ее до сих пор иногда пугала, – но боже, она бы убила за приличную пиццу, за шаурму с бараниной в пите.

Кэй жестом попросила счет.

– Мы тебя любим. Мы хотим для тебя лучшего. Я знаю, сейчас так не кажется, но это правда.

– Однажды он поймет, – Питер отодвинулся на стуле от стола. – Где здесь уборная?

Дэниэл смотрел, как Питер идет по ресторану, как у него с трудом гнутся ноги, чего он раньше не замечал. Его охватывало чувство вины: они хотели, чтобы Дэниэл преуспел в важных для них областях, потому что тогда это будет значить, что преуспели и они. Роланд целый год был слишком занят, чтобы поговорить, но Кэй и Питер звонили каждую неделю. Разве мог он ранить их еще больше, чем уже ранил? Он никогда не ответит на письмо Майкла.

Он обернулся к Кэй.

– Я пошлю заявку, мам.

После семичасовой смены в «Трес Локос» руки Дэниэла ныли от накладывания бобов, нарезания перца, заворачивания буррито. На кухонном столе Роланда стояла пустая коробка из-под микрофона Neumann. Дэниэл взял чек и тихонько присвистнул. Микрофон стоил две тысячи долларов. Он достал из кармана бланки для Карлоу-колледжа, уже помятые, и оставил на стойке.

Диван раскладывался в кровать, где Дэниэл спал, сунув в ноги рюкзак и чехол от гитары. Сосед Роланда Эдриан либо работал, либо учился, либо был у девушки. Роланд тоже дома появлялся редко: ходил на курсы, перевозил картины, работал в бригаде монтажников галерейных выставок, позировал для друга-дизайнера, помогал друзьям в других группах. Дэниэл рухнул на диван и достал гитару. Несмотря на нывшие запястья, ему хотелось поработать над песней.

Дэниэл услышал звон ключей и не успел убрать гитару перед тем, как вошел Роланд.

- Что играешь?

- Просто дурачусь, - сказал Дэниэл. Они посмотрели друг на друга.

- Слушай. - Роланд переместил вес на другую ногу. - Я хочу, чтобы ты знал: я не злюсь, ничего такого.

- Да я и не говорю ничего.

- Мы почти не репетировали.

- Прости.

- Пошли послушаешь, что я сегодня сочинил.

Дэниэл сел на кровать Роланда, пока тот включал на компьютере Pro Tools. Побежала линия - голос Роланда, песня Psychic Hearts. Роланд нажал на кнопку. Та же самая линия, но с эффектами от плагинов - расцарапанная, зашумленная. Дэниэл этого не понимал. Это как дешевый сиджияй в историческом фильме, как плохой винтажный фильтр для фотки.

- Хатч, агент «Юпитера», фанатеет от этой темы, - сказал Роланд. - Когда ты вчера ушел, я поболтал с ним о группах, с которыми он работал. Ты же знаешь, что Хатч помог подняться Джейн Раст? И «Террарии». Брутальные ударные, перегруженные гитары. Они теперь звезды. Мне кажется, Psychic Hearts должны пойти в этом направлении.

- Хочешь изменить группу ради Хатча?

- Я хочу выступить в «Юпитере». Я хочу на лейбл.

- А как же твоя собственная музыка? Вообще плевать?

Роланд пожал плечами.

– Искусство эволюционирует.

– Ой, не трынди.

– Это необязательно. – Роланд нажал на паузу. – Но надо.

– Будто Хатч возьмет нас после вчерашней ночи.

– Да не, я с ним все уладил. И через несколько недель у Хавьера будет концерт. Ничего особенного, но можно выйти на разогреве.

– С новым звуком. Как нравится Хатчу.

– Ну да, конечно.

И все-таки лучшей возможности Дэниэлу еще не представлялось. Самому старому специалисту по буррито в «Трес Локос», рыжему парню по имени Эван, который часто вспоминал, что в девяностые Нью-Йорк был куда круче и опаснее, стукнуло тридцать шесть, а он все пытался раскрутить свою группу. Дэниэл ходил во вторник вечером смотреть, как Эван выступает на разогреве четырех других групп, и оказалось, что он и петь не умеет. Сегодня на работе Дэниэл упомянул про выступление в лофте, опустив момент побега. Эван сказал: «Выбирайся уже отсюда» – и шлепнул порцию фасоли пинто с такой силой, что весь забрызгался. Если Psychic Hearts сыграют в «Юпитере», он обязательно пригласит Эвана. В школе Роланд любил всем говорить: «Вы бы видели, как играет Дэниэл». Если Дэниэла не хвалили после выступления, то он впадал в хандру, задумывался о том, что пора бы выкинуть гитару на помойку. Но когда люди называли его великолепным, он упивался, не мог уснуть, снова и снова переслушивал комплименты в голове.

Ему хотелось опять слышать комплименты, слышать, как его называют великолепным.

– Ладно, – сказал он. – Значит, новый звук.

– Запишемся в студии Тэда, где делают демки на кассетах. Этим летом, когда наберем побольше песен, а то и раньше, – Роланд привез из Риджборо коробку старых родительских кассет из восьмидесятых. Тех, которые они с Дэниэлом когда-то изучали так, будто раскопали в пещере времен палеолита, и которые теперь были для них такими же безумно ценными, как самый редкий и чистый винил. Дэниэл признавал в заезженном, умирающем звучании записей имелось что-то уютное – какая-то искренность, глубина, недостижимая для цифры.

– Конечно, – сказал он.

Этим летом Дэниэл пойдет учиться в Карлоу, вернется в свою бывшую комнату в Риджборо. Никакой музыки не будет.

– Где ночуют твои родители, в отеле?

– Поехали домой.

К этому времени они, скорее всего, вернулись в тот большой холодный дом и читают в постели. Дэниэл потерял толстовку.

– А я тут недавно получил странное письмо от парня, с которым рос, когда жил с мамой – родной. До того, как переехал в Риджборо.

– И что там?

– Говорит, ему есть что рассказать о маме. Я ему не написал, но мне немного интересно.

Дэниэл знал ответ Роланда до того, как тот заговорил.

– Не надо. Сам пожалеешь.

В теме родительских призраков Роланд отличался предсказуемостью и непоколебимостью. Его отец умер, когда он был совсем маленьким, и Роланд ни разу не проявлял к нему интереса. Дэниэл завидовал решительности Роланда. Он всегда мечтал так же ни в чем не сомневаться.

Он взял анкету Карлоу и положил обратно. Вернулся к гитаре, наиграл припев, с которым возился раньше, переделал, набросал несколько строк, потом представил себе лицо Кэй, в слезах, когда он скажет, что узнал о случившемся с его настоящей мамой. Больше песня не шла. От мыслей о матери начиналась низкая неутрачивающая боль в месте, до которого он не мог дотянуться. Он отложил гитару и взял ноутбук. Быстрый поиск – Питер и Кэй никогда не узнают. В средней школе он искал каждые несколько месяцев, пока желание узнать не отпало. Он бросил поиски, когда осознал, что отводит глаза, прокручивая страницу, и чувствует облегчение от того, что ничего не находит. Незнание освобождало его от необходимости изменить жизнь, к которой он привык, так что прошли уже годы с тех пор, как он искал Майкла Чена – имя Майкл всегда было слишком популярным, почти полмиллиона результатов, – и Полли Гуо, или Гуо Пейлан, латиницей или даже китайскими иероглифами. Ему не удалось увидеть никого похожего на мать. Он так и не нашел Леона или Вивиан Чжен.

Но сегодня он ввел «Майкл Чен» и «Колумбийский университет» и вышел на сайт университетской биологической лаборатории, прокрутил страницу и увидел имя Майкла и снимок долговязого парня в темной рубашке, самодовольного и счастливого. Лицо Майкла вытянулось еще больше, и он уже не носил очки, но Дэниэл видел в нем детскую версию – широкоглазого десятилетку, который готов был пойти с ним куда угодно; почти что брата. Того, кто знал Деминя.

Он захлопнул ноутбук так, будто тот загорелся. Даже если у Майкла есть сведения о матери Дэниэла, это всё равно не изменит того факта, что она его бросила. Роланд прав. Не стоит ворошить прошлое.

Он прошелся по гостиной, по кухне, повертел в руках коробку от микрофона, представляя Роланда на сцене «Юпитера», пока сам он сидит в лектории. Он не мог осчастливить одновременно и Роланда, и Питера с Кэй, но попытка не пытка.

3

Она обещала, что никогда его не оставит, в день, когда они встретили доппельгангеров[3 - Двойник человека, появляющийся как темная сторона личности или антитеза ангелу-хранителю.]. Тогда шестилетний Деминь и мать всё еще оставались друг для друга незнакомцами, но казались славной парочкой. Одинаковые широкие носы и изогнутые улыбки, большие темные

зрачки на подложке из белых осколков, с лентой во взгляде. Рука матери казалась чужой. Он привык к теплой хватке деда и более решительной походке. Мать была слишком быстрой, слишком громкой, похожей на американский город, в который его закинули. А Деминь скучал по деревне, по приглушенным оттенкам травы, воды, зелени и синевы, по бордовому и серому. Нью-Йорк предстал перед ним блестящим, резким, с буйными красками и нечленораздельной трескотней английского языка повсюду. Глаза ныли. Рот заполнялся шумом. Холодный воздух было больно вдыхать, а небо душили небоскребы.

Деминь искал утешения в чем-нибудь знакомом. Он во всем слышал мелодии, а с ними видел цвета, и его тело тянулось к ритму так же, как растение выгибается к свету. Когда они шли по Бауэри, его успокаивало однообразие шагов по тротуару. Его левая рука – в правой руке матери, на каждый ее шаг – два его. Деминь изучал мусор на тротуарах: сигаретные окурки, грязные салфетки и – между кусками льда – столько пятен жвачки. Кто жевал все эти серо-розовые комки? Он ни разу не жевал жвачку, как и, насколько он знал, его мать, и все ее шестеро соседа по квартире на Рутгерс-стрит. Это было еще до того, как они переехали к Леону, до квартиры на Университи-авеню в Бронксе.

Они стояли перед картой метро с длинными тощими линиями, похожими на лапшу. «Ну, какой цвет хочешь сегодня?» – спросила она. Деминь пригляделся к словам, которые не мог читать, местам, в которых еще не был, и показал на фиолетовый.

Деминь родился здесь, в манхэттенском Чайна-тауне, но, когда ему исполнился год, мать отослала его жить к дедушке, в деревню, где выросла сама. И в самых ранних воспоминаниях главное место занимал йи гонг – он звал его малышом-толстышом и научил ходить на лодке, собирать куриные яйца, потрошить рыбу кончиком ржавого ножа. В Минцзяне были и другие дети вроде него, родившиеся в Америке, на попечении у дедушек и бабушек. Своих родителей они знали только по телефону. «Я за тобой пошлю», – говорил голос в трубке, но зачем ему жить с голосом, зачем уезжать ради человека, которого он не помнил? Все, что было у Демина, – фотография, где сам он был хмурым ребенком, а лицо матери скрывалось в тени. Каждое утро он просыпался под «шт-шт-шт». (Йи гонг подметал их дом на 3-й улице, пока серебряные кольца дыма растворялись в небесах.) Однажды утром дедушка не проснулся. Потом Деминь уже сидел в самолете рядом с дядей, которого больше никогда не увидит. И вот уже в холодной квартире, обставленной двухэтажными койками, его обнимала

женщина, знакомая только потому, что ее лицо напоминало его собственное. Ему хотелось домой, а мать говорила, что койка – это и есть дом. Он не хотел слушать, но больше у Демина никого не осталось. Это было две недели назад. Теперь он каждый день сидел в классе школы на Генри-стрит, не понимая, что говорят учителя, пока мать шила рубашки на фабрике.

Два перехода – и они на фиолетовой линии, которая шла над землей. Демиль с матерью глядели в окна на вывески, написанные на незнакомых им языках. «Это значит “носки”, – говорил он, притворяясь, что читает. – Это значит “собаки”». Ближе к последней вывеске переходили на китайский, и мать читала их смешным голосом – глубоким и низким, как у радиоведущего: «Магазин закрывается!», «Проблемы с иммиграцией?», «Мы лечим мозоли!». Такая она нравилась Демилю. Он верил, что мама принадлежит ему. Демиль вскидывал в воздух ножки, пока женщина шлепала по ноге в веселом ритме.

Мать с сыном доехали до Квинса – из одного китайского квартала в другой. Когда вышли из метро, здания стали ниже, а улицы – шире, но люди и языки остались теми же. Несмотря на холод зимнего дня, Демиль чувствовал знакомые ароматы овощей и рыбы. Остановившись на углу, женщина предложила новую игру. «Вдруг здесь тоже живут мама и Демиль – другая версия нас». Как лучший друг, только еще лучше, как брат, рассеченное «я». Они выбрали здание, где будут жить эти мама и Демиль. Оно было низенькое, с плоским фасадом, как у них на Рутгерс-стрит. Потом смотрели на матерей с детьми на тротуаре, пока не нашли мальчишку возраста Демина и женщину роста его матери с такой же стрижкой, чтобы волосы завивались у подбородка. Как и мать Демина, она шла в темно-синей куртке, и ее можно было спутать со старшей сестрой сына.

– Можно пригласить их к себе?

– Не будем их беспокоить, у них дела. Но давай за ними последим?

Мать завела Демина в кондитерскую, и он выклянчивал яичный тарт. В те дни за доллар можно было купить три штуки. Мама сказала, что это пустая трата денег. Они сели за столом, ничего не купив, присматриваясь к своим допельгангерам за витриной. Пока двойники переходили улицу, мальчик тянулся к маме, а она наклонялась и что-то говорила ему. В руке мальчика было что-то глазированное и пышное. Желтая слоеная сдоба.

– Ну, можно яичный тарт? Пожалуйста?

– Нет, Демиль.

Он надулся. Йи гонг иногда разрешал ему пить колу на завтрак, но мать ему никогда ничего не покупала.

– Я хочу с ними подружиться. – Он топнул ножкой по полу. И снова она сказала «нет». Демиль бросился за ними по тротуару.

– Стойте! – кричал он.

Двойники обернулись – они знали фучжоуский. Другая мама была старше, стройнее, а другой Демиль – восьми-девяти лет, а не пяти-шести, с квадратным лицом и прищуренными глазками. Он походил на мальчика, который поджигает жуков для веселья. К его нижней губе прилипла жирная крошка. За миг до того, как его утащила собственная мама, Демиль встретился взглядами с другим Демилем, который сказал на английском: «Привет?» Потом допельгангеры развернулись и растворились в море зимних курток.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Электромузыкальный инструмент, созданный в 1920 году советским изобретателем Л. Терменом, и единственный музыкальный инструмент, на

котором играют движениями рук в воздухе, без прикосновений, меняя емкость электромагнитного поля. Прим. ред.

2

Безлимитный холдем – разновидность покера, при которой игрок не ограничен размером ставки. Рука – комбинация из двух карт которая досталась игроку.

3

Двойник человека, появляющийся как темная сторона личности или антитеза ангелу-хранителю.

Купить: https://tellnovel.com/ko_liza/bespokoynye

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)